

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 227–234

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 227–234

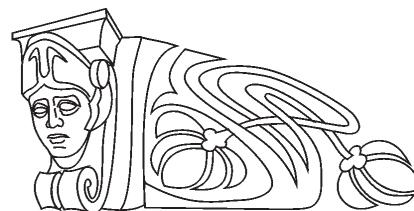
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-227-234>, EDN: KEGCCK

Научная статья

УДК 32.019.5

Доверие, недоверие и фейковые новости в процессе политической легитимизации

Е. А. Михайлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Михайлова Екатерина Алексеевна, соискатель кафедры политических наук, katerina_sherstuk@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1109-7528>

Аннотация. В статье рассмотрено влияние факторов доверия, недоверия и фейковых новостей на уровень легитимности государственной власти и принимаемых решений. Оспаривается позиция авторов, устанавливающих четкую корреляцию между уровнем легитимности власти и степенью развития ее демократических институтов. В основе легитимности власти лежит оценка соответствия властной позиции и принимаемых решений сформированному в гражданском сознании образу власти и разделяемым мировоззренческим позициям. Отмечается двойственная природа легитимности: в соответствии с определением Д. Истона, различают диффузную и специфическую легитимность. Типы легитимности отличаются с точки зрения динамики изменений их уровня, пластичности, принципов формирования и укрепления. В основе диффузной легитимности лежит концепция доверия. Актуализация позиций и оценок участников политического процесса происходит посредством политических коммуникаций. Изменения коммуникационной сферы политики, продиктованные революционным развитием интернет-технологий, обуславливают необходимость качественной переоценки роли факторов доверия и недоверия в процессе коммуникации власти и общества. Доверие и недоверие необходимо рассматривать как автономные политические явления, оказывающие как позитивное, так и негативное влияние на уровень легитимности. Фейковые новости становятся неустранимым «налогом» на политические коммуникации власти и общества. Специфика их формирования и распространения, а также цели, которые преследуют авторы фейковых новостей, выходят за пределы сферы политического регулирования, поэтому основную работу по борьбе с их негативными эффектами необходимо сосредоточить не на опровержении или блокировке новостей, а на формировании всеобщей медиаграмотности.

Ключевые слова: легитимность, доверие, фейковые новости, новые медиа, политические коммуникации

Для цитирования: Михайлова Е. А. Доверие, недоверие и фейковые новости в процессе политической легитимизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 227–234. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-227-234>, EDN: KEGCCK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Trust, distrust and fake news in the process of political legitimization

E. A. Mikhailova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina A. Mikhailova, katerina_sherstuk@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1109-7528>

Abstract. The article examines influence of factors of trust, distrust, and fake news on the level of legitimacy of state power and decisions taken. The position of the authors who establish a clear correlation between the level of legitimacy of the government and the level of development of its democratic institutions is disputed. The legitimacy of power is based on the assessment of the conformity of the position of authority and decisions made to the image of power formed in the civil consciousness and shared ideological positions. The dual nature of legitimacy is noted: in accordance with the definition of D. Easton, diffuse and specific types of legitimacy are distinguished. The types of legitimacy differ in terms of the dynamics of changes in their level, plasticity, principles of formation and strengthening. Diffuse legitimacy is based on the concept of trust. Actualization of positions and assessments of participants in the political process takes place through political communications. Changes in the communication sphere of politics, dictated by the revolutionary development of the Internet technologies, necessitate a qualitative reassessment of the role of factors of trust and distrust in the process of communication between the government and society. Trust and distrust should be considered as autonomous political phenomena that have both a positive and negative impact on

the level of legitimacy. Fake news is becoming an irremediable «tax» on political communications between the government and society. The specifics of their formation and dissemination, as well as the goals pursued by the authors of fake news, go beyond the scope of political regulation, therefore, the main work to combat their negative effects should be focused not on refuting or blocking news, but on the formation of universal media literacy.

Keywords: legitimacy, trust, fake news, new media, political communications

For citation: Mikhailova E. A. Trust, distrust and fake news in the process of political legitimization. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 227–234 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-227-234>, EDN: KEGCCK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Процесс осуществления государственной власти имеет коммуникативную природу и основывается на специфической форме диалога между властными политическими акторами и обществом по поводу справедливого распределения государственных ресурсов – социальных, финансовых, природных и т.п. Одобрение большей частью социума действий политической элиты является важнейшим условием, необходимым для управления государством, принятия и реализации политических решений. В политической науке такое одобрение определяется термином «легитимность».

Научно-теоретический взгляд на легитимность как необходимое условие сохранения, воспроизводства и развития существующего политического порядка обуславливает популярность данного направления политологических исследований, появление различных методологических подходов к ее определению. В рамках теорий легитимности предлагаются ответы на вопросы о возможности воздействия на уровень легитимности, о том, что лежит в основе одобрения гражданами проводимой политики, что влияет на изменение уровня легитимности, каким образом и посредством каких каналов происходит процесс легитимизации.

Несмотря на то что данный вопрос давно находится в фокусе научного внимания, многие авторы отмечают, что потребность в понимании того, как происходит процесс легитимизации, какие факторы оказывают влияние на уровень легитимности того или иного политического решения, только возрастает в современных условиях [1, 2].

В рамках данной статьи мы рассмотрим, какую роль в процессе политической легитимизации играют отношения, обозначаемые такими понятиями, как доверие, недоверие и фейковые новости.

Легитимизация – неотъемлемая часть политического процесса

В некоторых публикациях [3–5] легитимность власти и государственных решений рассматривается в рамках методологии структурного функционализма как свойство, присущее

исключительно демократическим режимам. В них утверждается, что при тоталитаризме и авторитаризме власть лидера обеспечивается насилием, принуждением, а потому она не может быть легитимной или, по крайней мере, не может сохранять свою легитимность в течение длительного времени. При этом устанавливается прямая корреляция между уровнем развития демократических политических институтов и уровнем достигаемой легитимности.

Признавая обоснованность данных тезисов для процесса политической легитимизации в странах, осуществивших демократический транзит, представляется целесообразным применить более широкий подход для определения места легитимности в системе политических координат. Ключевой характеристикой легитимности является оценка гражданами соответствия принятых государственных решений потребностям и мировоззренческим позициям общества. Эта характеристика означает, что о легитимности можно говорить применительно и к авторитарным, и к смешанным политическим режимам.

Действительно, власть во все времена нуждалась в целенаправленной деятельности по легитимизации своих решений и права их принимать от имени всей страны. История видела множество примеров того, как снижение уровня легитимности приводило к государственным переворотам и даже революциям.

Принимая во внимание приведенные аргументы, определим политическую легитимизацию как многоплановый целенаправленный коммуникативный процесс придания легитимного статуса политической власти, деятельности политических акторов и государственным решениям, которые они принимают.

Двойственная природа легитимности

Приведенное определение очерчивает достаточно широкий круг политических процессов и отношений, в которые включен процесс политической легитимизации. Это говорит о сложности, многоаспектности данного процесса и невозможности его унифицированного описания.

Как отмечает И. А. Иванников, «...государственная власть должна быть легитимной как по происхождению (установлению), так и по способам и методам реализации своих полномочий...» [6, с. 41]. Отсюда следует, что существуют как минимум два направления (потока) легитимизации, необходимых для обеспечения легитимности власти и ее решений. Аналогичной позиции придерживаются В. А. Гуторов [7] и К. Моррис [8], отмечающие, что у государства существует определенная базовая легитимность, которая обеспечивает его существование и право принятия решений от имени общества, а уже на ее фундаменте появляются более специфические формы легитимности, в том числе легитимность принимаемых государственных решений. Подобное «разветвление» легитимности при одновременной взаимозависимости ее потоков рассматривается авторами в рамках системной методологии: с ориентацией на выделение отдельных элементов, процессов их взаимодействия, а также на раскрытие синергетической целостности системы.

В рамках системного подхода американский политолог Д. Истон различает диффузную и специфическую легитимность. Диффузную легитимность он определил как долговременную, фундаментальную, общую поддержку идей и принципов политической власти, которая будет оказываться безотносительно сиюминутных результатов деятельности государства. Специфическая легитимность, напротив, основывается на оценке конкретных принятых государственных решений, она кратковременна и базируется на более информированной и осознанной поддержке власти [9].

Диффузная легитимность основывается, в первую очередь, на иррациональном, эмоциональном начале, именно поэтому ее рассмотрение актуально проводить через призму понятия доверия к власти, а также к ее представителям и принимаемым решениям.

Доверие как основа диффузной легитимности

В рамках политической науки неоднократно предлагались определения доверия. Ф. Н. Ильясов определяет его следующим образом: «...доверие – это совокупность представлений и настроений субъекта: а) отражающих его ожидания того, что объект будет реализовывать некоторые функции, способствующие увеличению или сохранению ресурсов субъекта; б) проявляющихся в готовности субъекта делегировать объекту реализацию этих функций» [10, с. 34]. Представляет интерес определение, данное О. М. Гараевым: «...доверие можно

определить как делегирование личностью части собственной свободы, основанное на личном опыте и нравственной интуиции, предоставление субъекту доверия права действовать в интересах доверяющего» [11].

Несмотря на отмеченное выше преобладание аффективного, иррационального компонента в доверии к власти, ее представителям и решениям, не следует рассматривать доверие как однозначно непознаваемый феномен, поскольку его уровень со значительной степенью точности можно оценить, а также в общем и целом предсказать направление его колебаний. В то же время попытки сторонников теории рационального выбора операционализировать доверие в терминах телеологизма, экономизации и рациональной обоснованности представляют если не искаженное, то весьма упрощенное понимание данного сложного социально-психологического феномена.

Н. Луман и П. Штомпка рассматривают доверие как механизм сокращения рисков [12]. Так, Н. Луман отмечает, что важность роли доверия возрастает по мере развития в обществе демократических институтов. Для точной оценки открывающихся перспектив развития общества (на выбор которых индивид может повлиять посредством различных форм политического участия) необходимо создавать систему иерархических субинститутов (Луман назвал их «нормами ожидания» [13]), которые позволяют упорядочить процесс принятия решений касательно будущего государственной политики.

В рамках аксиологического подхода Э. Гидденс [14, с. 83] отмечает, что доверие возникает не только как фактор межличностного взаимодействия, но и при взаимодействии с абстрактными системами – такими, как политические институты. В основе такого доверия лежит убежденность в том, что участники взаимодействия имеют общие представления о ценностях (и именно эти ценности являются базисом сформированных общественных и политических институтов).

Отношения доверия должны укрепляться и кодифицироваться в общеобязательных нормах и санкциях, а также воспроизводиться посредством коммуникативных ритуалов и церемоний, имеющих своей целью подтверждение консенсуса власти и общества.

Вклад доверия в обеспечение политической легитимности

Доверие как основа диффузной легитимности позволяет обеспечить решение нескольких принципиальных задач в области осуществления государственной власти.

При высоком уровне доверия общества к деятельности власти сокращаются транзакционные издержки при принятии и реализации государственных решений, связанные с обоснованием необходимости принятия такого решения и урегулированием конфликтных ситуаций с оппозицией (вплоть до применения насильственных мер). При этом финансы и усилия власти будут сконцентрированы непосредственно на разработке и реализации государственного решения. Трудно переоценить важность этого фактора в контексте специальной военной операции на территории Украины.

Другой пример – из области законодательства. В условиях высокого уровня доверия, выступая с законодательной инициативой, власти не потребуется «разбавлять» законопроект положениями, имеющими мало общего с предметом регулирования, но обеспечивающими дополнительную поддержку определенной группы депутатов данному законопроекту (логроллинг).

Рассуждая о доверии, многие ученые отмечают, что оно является эквивалентом социального капитала [15, 16], присваивая однозначно позитивные коннотации данному феномену и устанавливая прямую корреляцию между возрастанием доверия к власти и повышением качества жизни социума. В то же время вопрос о последствиях высокого уровня доверия остается за пределами фокуса научного внимания, несмотря на наличие нескольких существенных рисков, ему сопутствующих.

В первую очередь, речь идет о коррупционных рисках во всех их проявлениях. Также в связи со снижением общественного контроля за деятельностью государственного аппарата может возрасти инертность гражданского общества. Это приводит к разрыву информационного обмена между властвующими и подвластными, что, в свою очередь, станет причиной разрастания тлеющего конфликта, всегда имеющего место там, где одна группа лиц может принимать социально значимые решения в отношении другой. Третьим риском является замедление темпов эволюционного развития общества и поиска ответа на вызовы времени, поскольку властная элита всегда имеет приоритет сохранения своих позиций на арене политической борьбы, что повышает мотивацию к консервации существующего положения дел даже в тех областях, где наличествуют значительные проблемы.

Недоверие: обратная сторона доверия или самостоятельное политическое явление?

Одним из вопросов, пока не получивших достаточного освещения в научной литературе, является соотношение понятий политического доверия и недоверия. В настоящее время все больше социологов и политологов приходят к мнению о том, что недоверие не является антиподом доверия [17, 18], а выступает как самостоятельный феномен, не всегда имеющий негативную коннотацию. Данный подход разительно отличается от классического понимания недоверия как дополнительного «налога» на экономику страны [19] и представляет большую перспективу для рассмотрения.

Действительно, недоверие основывается на экстраполяции пережитого негативного опыта прошлого на текущие и будущие события и в первую очередь выступает в качестве механизма обеспечения безопасности. Испытываемое недоверие к политическим решениям, акторам, институтам может приводить к усилению включенности индивидов и социальных групп в политический процесс. Эта вовлеченность имеет различные формы, начиная от подписания петиций и участия в митингах до формирования легальных гражданских институтов недоверия – таких, как Комитет солдатских матерей, Общественная палата и т.д.

Данные институты являются одним из признаков развитого гражданского общества и позволяют хеджировать риски высокого уровня доверия, обозначенные выше. Важнейшим условием для существования эффективных форм недоверия является способность и готовность государства предоставить правовое поле для расширения институциональных и внеинституциональных форм артикуляции недоверия, и таким образом недоверие выступает в качестве гаранта сохранения доверия общества к власти.

Еще одним стимулом к дальнейшим научным разработкам в области применения механизмов недоверия в процессе политической легитимизации стало разрастание в политическом дискурсе таких явлений, как фейковые новости и дипфейки¹.

Влияние фейковых новостей на легитимность власти

В рамках информационного общества интернациональный, трансграничный доступ к средствам массовой коммуникации позволяет

¹ От английского fake news – фиктивные, фальшивые новости; deep fake – сильный, глубокий фейк

непроверенной, недостоверной и откровенно фальшивой информации остросоциального содержания – получившей совокупное наименование «фейк ньюс» – распространяться на крайне широкий круг реципиентов. Это может приводить к финансовым, политическим и социальным издержкам, которые оказывают прямое негативное влияние на уровень доверия общества к власти. Единственным барьером здесь является критическое отношение реципиентов к транслируемой информации, другими словами – недоверие, требование дополнительной верификации и доказательности.

Наиболее надежной защитой индивида от влияния политических и околополитических фейк ньюс является личный опыт (взаимодействие с государственными структурами, участие в выборах или законодательной деятельности и т.п.). Однако в силу слабости гражданского общества и инертности российские граждане во многом формируют свое отношение к деятельности государственных акторов преимущественно на основе материалов СМИ, «сарафанного радио» и иных вторичных источников информации.

Это означает, что изменения тональности сообщений в средствах массовой коммуникации (а не реальные действия политических акторов) могут привести к снижению легитимности одних акторов и повышению других. В этих условиях постоянное развитие технологий фейк ньюс представляет существенную угрозу стабильности и безопасности политической системы.

Сегодня необходимость недоверчивого, критического отношения к доказательной базе транслируемых информационных сообщений переходит на новый уровень в связи с появлением технологий дипфейка. Ранее предъявление аудио- и видеодоказательств являлось практически бесспорным гарантом правдивости новости. В свое время премьер-министр Великобритании Г. Браун за несколько дней до конца электоральной кампании обвалил рейтинги своей партии из-за нелестного высказывания в адрес избирательницы, аудиозапись которого случайно попала в прямой эфир [20], и трудно было предположить, что в течение столь небольшого времени появятся технологии, которые позволят усомниться в подлинности таких аудиозаписей.

Современные технические средства и программы, а также нейросети позволяют формировать дипфейковые аудиосообщения, компилируемые из разных аудиофайлов, дипфейковые фотографии – они будут неотличимы от оригинальных,

фейк невозможно распознать без применения специального оборудования. В случае применения технологий дипфейка к остросоциальным явлениям вирусное распространение фальшивых материалов может привести к существенным репутационным и финансовым потерям для государства, которые невозможно компенсировать публикацией опровержений, особенно если общество находится в точке бифуркации, и после распространения фейк ньюс начинается лавинообразный процесс артикуляции общественного недовольства. В контексте СВО мы наблюдаем, как обозначенная закономерность реализуется на международном уровне: получившие широкую медийную освещенность эпизоды конфликта России и Украины стали основанием для усиления санкционного давления, расширения поставок вооружения Украине со стороны западных партнеров. При этом дальнейшее расследование указанных эпизодов не проводится, поскольку их результаты не оказывают существенного влияния на развитие сюжета в политическом дискурсе.

Появление дипфейков привело к тому, что фото- и видеодоказательства более не являются достаточным свидетельством правдивости картины событий. Решение об их истинности индивид принимает на основании собственной оценки того, совпадает ли данное явление со сформированным образом политического актора, имеющего отношение к сюжету. Другими словами, до какой степени данное действие актора укладывается в логическую цепочку ожидаемых от него действий и высказываний. Тем не менее, сомнение в истинности фото- и видеодоказательств, а вместе с ними и информационных сообщений становится яркой и неустранимой чертой современной политической реальности.

Проведенные исследования в области способности индивидов распознавать фейковые новости показали, что самостоятельно справиться с этой задачей реципиенты не могут [21]. Также интерес представляют выявленные тенденции, получившие общее название “the backfire effect” – эффект обратного действия или эффект встречного огня [22]: если социальные сети захотят помочь гражданам в выявлении фейков и начнут помечать их специальным значком, распространение таких новостей только усилится [23].

Также в проведенных исследованиях была выявлена следующая закономерность: если человек ознакомится с фейковой новостью, особенно вызывающей эмоциональную реакцию и чувство относительной депривации, а

через некоторое время получит опровержение, то первое впечатление, скорее всего, сохранит свое влияние на оценку индивидом событий политического дискурса, даже если на сознательном уровне человек признал, что первичная новость – фейк.

Считаем необходимым остановиться также еще на одном интересном факте. С учетом того, какое сильное влияние оказывают фейк ньюс на процесс политической легитимизации, напрашивается вывод, что за каждой фейковой новостью стоит политический интерес определенного актора. Тем не менее, исследования доказывают, что существенный процент фейк ньюс создается исключительно в коммерческих целях [23]. В связи с эффектами вирусного распространения политического контента маркетологи стали использовать фейковые политические новости для привлечения пользователей на свои сайты и страницы в социальных сетях.

Указанная специфика политических фейков является определяющей в вопросе выбора государственной стратегии политической легитимизации: обманные новости, мгновенно распространяющиеся по всем каналам коммуникации и наносящие политической власти урон как в финансовом, так и в репутационном эквиваленте, являются неотъемлемым риском политического процесса. Это означает, что, во-первых, их невозможно полностью искоренить; во-вторых, не всегда за такими фейками стоят политически ангажированные акторы, а значит, политические способы борьбы с ними не будут эффективны; в-третьих, доводы логики и здравого смысла при попытке опровергнуть фейковую новость могут спровоцировать эффект обратного действия, что приведет лишь к росту наносимого урона.

В этой связи крайнюю важность приобретает способность индивидов самостоятельно противостоять злонамеренному манипуляционному воздействию фейковых новостей. Эту способность современная политическая наука рассматривает в рамках концепции медиаграмотности. Так, доктор политических наук А. А. Казаков отмечает целесообразность использования именно понятия «грамотность»: «... быть “компетентным в чем-либо” обычно воспринимается как нечто желаемое, но не абсолютно необходимое, а вот быть “грамотным” (пусть и применительно к отдельно взятой медийной сфере) звучит как нечто само собой разумеющееся» [24, с. 89]. Полагаем необходимым согласиться с А. А. Казаковым и в том, что в современном дискурсе понятие гра-

мотности вышло за пределы владения чтением и письмом, инкорпорируя «...более широкий спектр навыков социальной коммуникации, включая способность эффективно перерабатывать информацию, получаемую из массмедиа» [24, с. 89].

Итак, процесс политической легитимизации составляет ядро коммуникации власти и общества в политическом дискурсе. Он осуществляется непрерывно, различаясь на отдельных этапах только своей тематической составляющей и интенсивностью. В научной литературе неоднократно отмечалась двойственная природа легитимности, выраженная в синергетическом взаимодействии диффузной и структурной составляющих, обеспечивающем аутопойезис политической системы.

Место легитимности в политической системе координат обуславливает множественность факторов, оказывающих влияние на ее уровень. Одним из определяющих факторов, на который должен ориентироваться процесс легитимизации, является степень доверия общества к власти, политическим акторам и принимаемым ими государственным решениям. Краеугольным камнем укрепления доверия в процессе политической легитимизации является коммуникативная составляющая.

Говоря о недоверии в процессе политической легитимизации, мы отметили коннотативную неоднозначность данного явления. Высокий уровень доверия несет определенные риски в области коррупции и конфликта интересов, хеджировать которые помогает недоверие, тем самым активно способствуя укреплению легитимности. Для эффективного использования недоверия в процессе политической легитимизации государство должно создавать условия для институционализации его проявлений, а также исполнять свои обязанности с соблюдением принципов открытости и обоснованности. Отсутствие же такой деятельности будет вынуждать социум на проявление внесистемных (в том числе насильственных) форм недоверия.

Третьим явлением, роль которого в процессе политической легитимизации мы рассмотрели в данной статье, является активное включение фейковых новостей и дипфейков в современный политический дискурс. Сформированное у индивидов восприятие современной политической реальности на основе фейковых новостей играет существенную роль в росте относительной депривации и политической напряженности, за которыми следует делегитимизация власти и принятых ею решений.

Приведенные выше данные показывают, что невозможно победить волну фейковых новостей и их негативное воздействие на уровень легитимности тем же способом, которым побеждают инфекцию: нет эффективных «лекарств», нет возможности обеспечить полную изоляцию от источника «заражения». Процесс восприятия политической реальности во многом обусловлен аффективными, субъективными особенностями, которые не подчиняются доводам логики. Данный вывод, тем не менее, не следует трактовать с фаталистических или пессимистических позиций. Мы должны добавить эту нерациональную «переменную» в программу политической легитимизации и стремиться применять нестандартные, непрямые методы воздействия на целевую аудиторию, не ограничиваясь блокировкой контента и публикацией официальных опровержений.

В процессе снижения негативных эффектов от фейк ньюс важное место занимают факторы доверия и недоверия. Так, чем большее доверие к политическим акторам испытывает социум, тем сложнее убедить его в том, что принимаемое решение является катастрофой для государства, и тем меньше индивиды будут верить фейковым новостям, сгущающим краски.

Необходимость применения механизмов недоверия обусловлена важностью критического взгляда на публикуемые информационные сообщения с целью их фильтрации и формирования более реалистичного образа политических акторов и повестки дня [25]. Способность государственных акторов связывать свои действия и решения в единую логическую цепочку и транслировать ее в процессе коммуникации с обществом позволит более эффективно выделять и фильтровать фейк ньюс, которые слишком сильно диссонируют с этой логикой.

Доверие и недоверие являются сложными социально-психологическими феноменами, оказывающими существенное влияние на процесс политической легитимизации. В современных условиях масштабное распространение фейковых новостей приводит к тому, что некоторые механизмы укрепления доверия общества к власти и стремление избежать проявлений политического недоверия потеряли свою эффективность. Это обуславливает потребность в проведении дальнейших научных исследований в области актуальных процессов политической легитимизации, учитывающих специфику современного политического дискурса и его компонентов.

Список литературы

1. Bekkers V., Edwards A. Legitimacy and democracy: A conceptual framework for assessing governance practices. 2013. URL: <http://hdl.handle.net/1765/90149> (дата обращения: 17.12.2022).
2. Гуторов В. А. Теория демократии как историческая проблема: к постановке вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2014. Вып. 4. С. 114–129. EDN: TAWOAJ
3. Керимов А. А. Легитимность политической власти в современной России: основания и перспективы // Власть. 2015. № 3. С. 121–123. EDN: ROXSIG
4. Григорьева Е. Б. Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 46–54. EDN: RZJBQL
5. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Социология власти. 2011. № 5. С. 205–217.
6. Иванников И. А. Государственная власть в России: Проблемы гуманизации. Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 2006. 312 с.
7. Гуторов В. А. К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. С. 91–110. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.03.07>
8. Morris C. State legitimacy and social order // Political Legitimization without Morality / ed. J. Kuhnelt. Heidelberg : Springer Science; Business media B. V., 2008. P. 15–32. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-8576-5_2
9. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : в 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX век. М. : Мысль, 1997. С. 629–642.
10. Ильясов Ф. Н. Типы шкал и анализ распределений в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.03>
11. Гараев О. М. Доверие граждан как фактор укрепления политической власти в современной России // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 4. С. 1509–1514. URL: http://bulletin-bsu.com/arch/files/2014/4/69_4676_Garaev_1509-1515.pdf (дата обращения: 27.12.2022).
12. Штомпка П. Доверие – основа общества. М. : Логос, 2012. 446 с
13. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2001. 256 с
14. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры. 2-е изд. М. : Академический проект, 2005. 528 с.
15. Newton K. Taking a Bet with Ourselves Can we put Trust in Trust? // WZB Mitteilungen. 2012. № 135. P. 6–9.
16. Мартыанов В. С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности // Journal of Institutional Studies (Журнал

- институциональных исследований). 2018. Т. 10, № 1. С. 41–58. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.1.041-058>
17. Гудков Л. Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 2 (112). С. 8–47.
 18. Глушко И. В. Институционализация доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе // Общество: философия, история, культура. 2016. № 7. С. 35–38.
 19. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : АСТ ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с. (Philosophy).
 20. Премьер Браун забыл выключить микрофон и избиратели узнали, что думает о них глава правительства. URL: https://www.1tv.ru/news/2010-04-29/150717-premier_braun_zabyl_vyklyuchit_mikrofon_i_izbirateli_uznali_chno_dumaet_o_nih_glava_pravitelstva (дата обращения: 15.12.2022).
 21. Goodfellow J. Only 4% of people can distinguish fake news from truth, Channel 4 study finds // The Drum. URL: <http://www.thedrum.com/news/2017/02/06/only-4-people-can-distinguishfake-news-truth-channel-4-study-finds> (дата обращения: 15.12.2022).
 22. Nyhan B., Reifler J. When Corrections Fail: The Persistence of Political Misperceptions // Political Behavior. 2010. Vol. 32. P. 303–330. <https://doi.org/10.1007/s11109-010-9112-2>
 23. Levin S. Facebook promised to tackle fake news. But the evidence shows it's not working // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/may/16/facebook-fakenews-tools-not-working> (дата обращения: 15.12.2022).
 24. Казаков А. А. Медиаграмотность в контексте политической культуры: к вопросу об определении понятия // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 4. С. 78–97. EDN: ZDBVXL
 25. Казаков А. А. Западная коммуникативистика об установлении информационной повестки дня: анализ основных подходов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9, № 3. С. 55–61. EDN: TALJHD

Поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 02.03.2023
The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 02.03.2023